

С. А. Иванюк

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Г. С. КРОПОТОВ И ЕГО ВКЛАД В СТРОИТЕЛЬСТВО ЦАРИЦЫНСКОЙ СТОРОЖЕВОЙ ЛИНИИ*

Триста лет назад в Поволжской степи, в междуречье Волги и Дона, произошло знаменательное событие. 15 августа 1720 г. генерал-майор Г. С. Кропотов сообщил в Правительствующий Сенат об окончании строительства Царицынской сторожевой линии – фортификационного сооружения, закрывшего от разорительных набегов татар территорию вверх от Волго-Донской перемычки¹.

В кратчайший срок, всего за два года, удалось осуществить строительство самого протяженного в Европе военно-инженерного сооружения, состоявшего из вала с ровом длиной до 60 км и включавшего в себя четыре земляные крепости и 29 реданов². Возведение Царицынской линии стало очень важным событием не только для защиты южных рубежей Российского государства, но и для развития всего Волго-Донского региона в целом. Обезопасив обширные территории, линия послужила интенсивному заселению края и его демографическому и экономическому подъему. Успешному выполнению задач, поставленных перед строителями Петром I и Сенатом, во многом способствовали профессиональные и организационные навыки, а также настойчивость в достижении цели опытного командира и руководителя возведения Царицынской линии генерал-майора Гаврилы Семеновича Кропотова.

В настоящее время, несмотря на широкую известность и общее признание значения Царицынской линии в обеспечении безопасности Российского государства, данная тема остается не до конца изученной в отечественной историографии. До сих пор более глубоких трудов, чем статья воронежца Н. А. Комолова, научная работа волгоградского историка Т. И. Лавриновой и очерк в книге В. А. Тихонова, не появилось³. К тому же не удостоена отдельного исследования биография главного героя строительства Царицынской линии Г. С. Кропотова. Ведь ее изучение могло бы дать ответ на многие вопросы, связанные со строительством линии и подсказать причину, по которой выбор царя пал на этого офицера при поручении такого важного задания, каким было строительство фортификационного сооружения в Волго-Донском междуречье. Именно поиску ответов на эти вопросы, с привлечением как ранее опубликованных, так и неизученных и вновь вводимых в научный оборот документов, посвящено данное исследование.

---

* Работа выполнена в рамках проекта «Памятник фортификации Петровской эпохи „Царицынская сторожевая линия“: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеефикации и туристического использования», грант РФФИ № 20-09-42009.

Г. С. Кропотов относился, как сказали бы сейчас, к семье профессиональных военных. Его отец, Семен Иванович, полковник, командир драгунского полка своего имени, принимал самое активное участие в боевых действиях в Прибалтике на начальном этапе Северной войны и был убит 15 июля 1705 г. в сражении под Мур-Мызой⁴. Брат Г. С. Кропотова Андрей Семенович, Большой, в звании майора участвовал в Полтавском сражении, погиб, и его имя записано среди других на плите братской могилы павших воинов⁵. Другой его брат Андрей Семенович, Меньшой, служил с 1702 г. в драгунском полку своего отца, участник сражений против шведов, с 1737 г. статский советник⁶. Брат отца Андрей Иванович Кропотов служил полковником во 2-м конно-гренадерском полку и погиб в марте 1709 г., в Полтавский период Северной войны, во время штурма Нехворощи⁷.

Как и отец, дядя и братья, Г. С. Кропотов служил в петровской кавалерии, драгунских полках, и участвовал в сражениях Северной войны против шведов. В мае 1708 г., находясь в Литве, в звании полковника Азовского драгунского полка он был назначен командиром вновь сформированного Новотроицкого драгунского полка, который был укомплектован из «командированных» драгун Азовского, Астраханского, Московского, Тверского, Троицкого, Санкт-Петербургского, Новгородского и Сибирского полков для выполнения специальной задачи⁸. Именно с этим подразделением полковник Г. С. Кропотов проявил свои организаторские способности во время военной операции русских войск по подавлению восстания донского казачества под предводительством К. Булавина («Донской поход»).

В один из решающих моментов этого противостояния, 14 мая 1708 г., А. Д. Меншиков выделил из главной армии, располагавшейся в Могилеве, два драгунских полка, назначив над ними командиром полковника Г. С. Кропотова. Этот отряд был отправлен по маршруту Брянск – Орел – Белгород, «а з Белгорода прямо через степь» к Азову в распоряжение изюмского полковника Ф. В. Шидловского, чтобы, объединившись с его силами, атаковать бунтовщиков⁹. Но, несмотря на ускоренный марш, отряд Г. С. Кропотова только через месяц, 16 июня, прошел мимо Курска, а к 18 числу его ждали в Белгороде. Лишь 1 июля 1708 г. драгуны присоединились к слободским казакам Ф. В. Шидловского¹⁰. В составе объединенного корпуса Г. С. Кропотов вместе с драгунами в начале июля 1708 г. участвовал в разгроме войск восставших под Тором, в результате которого погиб один из лидеров «булавинского» движения С. Драный¹¹. Сам Г. С. Кропотов об этом сражении сообщал: «...наехали их воровское войско в урочище Кривой Луке, и был у нас с ними бой, и... тех воров побили и изменника Драного убили. А у меня на том бою в двух драгунских полках убито драгун семь человек, ранено афицер один, драгун пятьдесят четыре»¹².

Азовский губернатор И. А. Толстой выражал в письме к А. Д. Меншикову свое восхищение этими успешными действиями объединенного отряда регулярных и иррегулярных войск против «булавинцев»: «Удивлению достойно какими малыми людьми такое великое воровское собрание побито»¹³. Высокого мнения о действиях драгун Г. С. Кропотова против войск бунтовщиков был и сам царь. Когда позднее, весной 1709 г., Б. П. Шереметев со своим корпусом выполнял указание царя по предотвращению соединения шведских сил с отрядами запорожцев, Петр I, осуждая медлительные и неуверенные действия фельдмаршала, ставил в пример успешную атаку в 1708 г. Г. С. Кропотова и А. И. Ушакова на отряд «булавинцев» С. Драного («...сие дело

лехкое, ибо против таких же только 1500 ч[еловек] послано было, а имянно Кропотов и Ушаков против Дранова, с которым было 7000 донских и 1500 запорожских и оныя... их розбили»¹⁴).

После победы над «булавинцами» в урочище Кривая Лука Г. С. Кропотов с драгунами и А. А. Гулиц с пехотой прибыли 11 июля «в добром здравии» в Таганрог и расположились в районе Троицкого¹⁵. Оттуда в начале августа Г. С. Кропотов ездил в Черкасск, где проходила публичная казнь 40 сподвижников К. Булавина, там же предводителя восстания «голову и руки и ноги побили на колья». 5 августа 1708 г. полковник вновь вернулся в Троицкое¹⁶.

После смерти К. Булавина и ликвидации основных очагов сопротивления отпала необходимость в пребывании на Дону такого большого количества элитных и боеспособных частей. В связи с этим А. Д. Меншиков писал Петру I 22 июля 1708 г.: «...понеже, повидимому, тамошнее, дело, слава богу приходит ко оканчанию, того ради не изволите ль к Преображенскому баталиону, так же и к Ингермоландскому драгунскому полку послать указ, чтоб они шли сюда (в главную армию в Горки. – С. II)... <...> Також и Кропотова не изволите ль сюда взять, которому также там, кажетца, делать нечего»¹⁷. Выполняя эти рекомендации, в октябре 1708 г. И. А. Толстой сообщил А. Д. Меншикову: «Полковник Кропотов с полком отпущен из Троицкой в армию сентября в ? день, и по писму Вашия Светлости во всем, чинить ему вспоможение и при отпуске удовольствовал ево всем по ево желанию»¹⁸.

В январе 1709 г. из гренадерских рот Московского, Владимирского, Сибирского, Невского, Архангелогородского, Ростовского, Вятского, Смоленского, Новотроицкого, Ярославского драгунских полков был сформирован 2-й конно-гренадерский полк под командованием полковника Г. С. Кропотова¹⁹. Со своим вновь сформированным полком полковник участвовал 27 июня 1709 г. в главной битве Северной войны – Полтавском сражении, закончившемся полным разгромом шведских войск²⁰. После Полтавской баталии, когда русская армия неделю стояла в пригороде Полтавы и «триумфовала» победу, среди прочих офицеров, повышенных чином за проявленную доблесть, был и Г. С. Кропотов. Царским указом он был произведен из полковников в бригадиры²¹. Но «триумфовать» новоназначенному бригадиру пришлось не долго, так как уже 1 июля 1709 г. Петр I послал Г. С. Кропотова с двумя драгунскими полками в погоню за шведским королем и И. С. Мазепой, уходящими в сторону Очакова.

Но планы русского командования менялись очень стремительно и уже на другой день преследовать Карла XII был отправлен также генерал-майор Г. С. Волконский, а Г. С. Кропотов²², получив новую инструкцию «о поймании короля швецкого», 19 августа направился со своим отрядом к Каменцу-Подольскому, куда прибыл 26-го числа того же месяца²³. Здесь он основательно укрепился, чтобы наблюдать за перемещениями шведского короля и при первой возможности задержать его «и иметь сие в великом секрете». С позиций, занятых Г. С. Кропотовым, в царскую ставку регулярно поступали письма. Так, 4 и 11 сентября 1709 г. сообщалось о готовящемся переходе Карла XII и И. С. Мазепы из Бендер, через Яссы и Сочаву, по горному проходу горы Камплунг в Венгрию. При этом стоит отметить, что вся переписка бригадира и его переводчика А. Ботвинкина велась «цыфирью» – с использованием шифров²⁴.

Нельзя сказать, что пребывание войск Г. С. Кропотова в приграничном с Молдавией регионе было спокойным. Драгуны бригадира вступали в боевые стычки с враждебно

настроенными отрядами польского стражника коронного С. Потоцкого, в одной из которых удалось захватить 18 писем к этому шляхтичу союзника Карла XII С. Лещинского и четыре турецкие грамоты²⁵. 23 сентября 1709 г. под местечком Черновцы «в Волошской земле» произошло небольшое, но важное для дальнейшего развития внешней политики Российского государства сражение. Русские драгунские полки Г. С. Кропотова и волохи, которыми командовал полковник К. Туркул (Туркулец), вступили в бой с крупным соединением шведских войск и запорожцев под командованием генерал-квартирмейстера А. Гилленкрока и королевского генерал-адъютанта Г. Клоу, которое выступило к границам Польши для разведки возможных путей движения для шведского короля. После короткого боя в поле («имели стрельбу непрестанную») шведы отступили в Черновцы, «где видеv наше (русское. – С. II.) войско, не бились, а здались на оккорд»²⁶. После сражения Г. С. Кропотов вернулся с пленными шведами на исходные позиции и расположил свои войска по линии рек Днестр и Прут «для охранения пасов на 40 миль»²⁷.

В своих записках датский офицер на русской службе Юст Юль вспоминал, что 17 ноября 1709 г. в Нарве, где он находился, было получено известие о том, что «русский бригадир» (Г. С. Кропотов. – С. II.), преследовавший бегущих после Полтавской битвы шведов, взял в плен 554 человека в приграничной турецкой территории. В связи с этим в православном храме города служили молебен и сделали 11 выстрелов из крепостных пушек. Ю. Юль отмечал, что впоследствии это событие стало одной из причин Русско-турецкой войны (1710–1713), так как городок Черновцы, где произошло пленение, входил в состав Молдавского княжества – вассала Османской империи²⁸.

В феврале 1710 г. из Стамбула стали поступать сведения, что «салтан турецкой намерен короля шведского отпустить чрез Польшу». В связи с этим царь дал прямое распоряжение бригадиру Г. С. Кропотову, находящемуся в городке Ярослав (Подкарпатское воеводство), взять под личный контроль перемещение Карла XII в Швецию через польские земли. При этом Петр I указывал, что после пересечения королем и его сопровождающими польской границы следует приложить все усилия для их задержания в пределах Польши: «дать им несколько миль войтить, а потом объявить им, что ты еще указу не имеешь их пропускать и провозжать»²⁹.

В течение всего лета 1710 г. в Польше ощущалось напряжение из-за вероятного прибытия Карла XII, который мог транзитом проследовать в Швецию. Для контроля за всеми перемещениями в Подолии «на волошской границе» (с Молдавией) по-прежнему прочно стоял корпус русской кавалерии (пять драгунских полков, казаки и волохи) во главе с генерал-майором Г. Волконским и бригадиром Г. С. Кропотовым, которые должны были противодействовать попыткам прохода шведского короля в Венгрию³⁰. Кроме этого, царем было предписано, чтобы они, в случае боевого столкновения прибывших со шведским королем турок и татар с войсками Августа II, выступили на стороне польского короля («и того ради смотреть, дабы оные [царские войска] ко всем услугам воинским, равно с саксонскими войска, употреблены были»³¹). Выполняя указания Петра I, Г. С. Кропотов зорко следил за ставкой Карла XII в Бендерах, ведя разведку и засылая в Бендеры шпионов. Благодаря этому он регулярно передавал разведывательные сведения царю о настроениях в шведском лагере, о поведении турок и концентрации их вооруженных сил в регионе, о повседневной жизни запорожцев и «мазепинцев», ушедших в турецкие пределы вместе со шведами³².

В конце 1710 г. произошли события, повлиявшие на дальнейшую политику Российского государства на юге. Настойчиво добиваясь высылки Карла XII, Петр I стал угрожать войной Турции и в ответ 20 ноября 1710 г. получил со стороны султана Ахмеда III сообщение об объявлении войны. В новом году русской армии предстояло совершить так называемый Прутский поход, подготовка к которому началась уже в начале года. Инспектировать состояние приграничных территорий Польши для принятия больших сил русской армии, двигавшейся в этот район сосредоточения перед броском в турецкие пределы, был направлен командующий объединенными силами М. М. Голицын. Оценив обстановку, он отметил, что если пребывание значительных сил в одном месте будет продолжительным, то это приведет к истощению ресурсов и так малолюдного края и озлоблению немногочисленного дружественного польского населения. О своих опасениях князь сообщил П. П. Шафирову в письме от 27 января 1711 г.: «...своих людей сфитигуем и лошадей поморим, понеже бо самые места пустые и разорены. И уже чрез два года, как тут безвыходно войско наше стоит з бригадиром Кропотовым и с князем Волхонским... Его ж величество изволит повелевать строить магазины для прибудущих войск, что же зело не бес труда будет, и поляком под такой час не без злобы»³³.

Тем не менее царские войска продолжили наращивать силы. Уже весной, в начале мая 1711 г., по указу Петра I драгунским полкам из «ожной» армии, расквартированным у Корсуня и Богуслава, предписывалось выдвинуться маршем под командованием М. М. Голицына в район Брацлава, куда они прибыли к седьмому числу и, соединившись с основными силами, готовились к дальнейшим действиям по переправе через Днестр³⁴. В конце мая 1711 г. основные силы русской армии форсировали Днестр и расположились под местечком Рашковом. Отсюда Б. П. Шереметев направил к Яссам, столице Молдавского княжества, Г. С. Кропотова во главе отряда из трех драгунских полков и группы волохов (5000 чел.) с ответственной миссией – «для принятия господаря волоского» князя Д. Кантемира³⁵. Форсированным маршем драгуны приблизились к Яссам, где 1 июня перешедший открыто на сторону России Д. Кантемир соединился с полком Г. С. Кропотова и выехал в лагерь Б. П. Шереметева. Встреча с последним прошла 6 июня в торжественной обстановке, с военным парадом под барабанный бой. Принеся официальную присягу верности, Д. Кантемир объявил себя подданным его величества³⁶.

В конце июня 1711 г. русское командование принимает решение сформировать летучий корпус («корволант»), состоящий из драгун и волохов, усиленный семью легкими пушками, под командованием генерала К. Э. Ренне, а также бригадиров Г. С. Кропотова и Л. С. Чирикова. 30 июня корволант был отправлен к Нижнему Дунаю, чтобы побудить к присоединению валахов, захватить склады провианта в Брэилове и разрушить мост у Исакча. В отличие от основных сил русской армии, которым пришлось капитулировать в сражении у Прута и подписать с османами мирный договор, летучему корпусу К. Э. Ренне удалось провести успешную операцию по выходу в тыл турецких войск и захвату 14 июля важного пункта – крепости Брэилов, что послужило одной из причин смягчения условий капитуляции царских войск³⁷. После сражения и заключения мирного договора царская армия организовано отступила в свои пределы. После марша и пересечения российской границы русские войска расположились на квартирах – кавалерия в Киевской, а пехота в Московской губернии. При этом полки из команды бригадира

Г. С. Кропотова (конно-гренадерский полк его имени, Смоленский и Псковский драгунские полки) разместились в городке Змиев, недалеко от Харькова³⁸.

В 1713 г. бригадир Г. С. Кропотов по-прежнему находится в Киевской губернии в команде фельдмаршала Б. П. Шереметева. В частности, на зимние квартиры он и подчиненные ему войска встали у Обоянского острога³⁹. Весной 1717 г. Г. С. Кропотов был отправлен в Санкт-Петербург во главе особой драгунской команды для участия в «канальной работе», но уже в октябре того же года генерал-майор получил личное указание Петра I возвратиться обратно на Украину, так как у царя были на него свои планы⁴⁰.

В дальнейшем на юге Российского государства произошли важные события, отразившиеся на судьбе и военной карьере Г. С. Кропотова. После неудачного для русской армии Прутского похода 1711 г., потери Азова и вывода значительного количества царских войск из этого региона активизировались набеги орды из Крыма и Кубани на русские города, путь к которым лежал через Волго-Донскую переволоку. Документально зафиксированы разорительные нападения татар в 1710, 1711 и 1713 гг. В августе 1717 г. произошел крупнейший по своим масштабам набег крымских и кубанских татар, которому подверглись города Царицын, Саратов, Симбирск, Пенза, часть Казанской губернии и Слободской Украины. Налетчикам удалось взять в плен более 12 000 человек, а нанесенные территориям убытки оценивались в 6 000 000 руб.⁴¹

В таких сложных условиях возникла крайняя необходимость защиты территории между Волгой и Доном, наиболее уязвимой для набегов, и создания буферной зоны с помощью укрепленной линии. Сразу после кубанского погрома количество военных сил в регионе значительно возросло. Уже в ноябре 1717 г. государем было указано, чтобы «ис Казанской, и ис Нижегородской, и ис Воронежской губерней» для обороны края «меж Саратова и Пензы» расположилось четыре драгунских полка (Московский, Архангелогородский, Рязанский и Ростовский) во главе с Г. С. Кропотовым, усиленных отрядом донских казаков в 500 человек. Тогда же правительством Петра I было принято решение о строительстве оборонительной линии в самом узком месте Волго-Донского междуречья, от крепости Царицын на Волге до Паншина городка на Дону или от Дмитриевска на Волге до Иловли на Дону⁴².

Работы по возведению линии начались летом 1718 г. с привлечением огромного количества людей. Кроме элитных драгунских частей, которые на две трети состояли из потомственных дворян, на линейной работе были задействованы слободские, донские и гетманские казаки, солдаты гарнизонных полков близлежащих городков Казанской и Азовской губерний, а также «посошные люди» – мобилизованные для работы гражданские лица⁴³. К этому времени была определена точная линия фортификационных сооружений от Царицынской крепости до Паншина городка, но долгие сборы привлекаемых сил и средств, тяжелые погодные условия и неподатливая для строительных работ почва привели к тому, что к сентябрю 1718 г. был лишь заложен задел на будущий год, без существенных и кардинальных решений⁴⁴.

Большое количество проблем мешало организованному выполнению поставленной царем и правительством цели. Сорокаградусная летняя жара, возникшее в соседних регионах «морское поветрие» (чума) и непрекращающиеся набеги кочевников (калмыков, каракалпаков и киргиз-казаков (казахов)) осложняли положение работников на Царицынской линии. Одним из самых сложных обстоятельств было отсутствие

поблизости достаточного количества леса. Поэтому необходимые материалы приходилось привлекать из других районов Казанской, Азовской и Нижегородской губерний⁴⁵. Но несмотря на трудности, уже через год, 17 ноября 1719 г., Г. С. Кропотов доложил, что земляной вал высотой 9–12 м и сухой ров на линии в 60 верст практически окончены, а строители приступили к возведению первой – Донской крепости. При этом генерал-майор жаловался на отсутствие достаточного количества рабочих рук, что не позволяло ему осуществить намеченные планы по строительству остальных крепостей на линии, и уведомлял о переносе планов по завершению работ на следующий год⁴⁶.

Тем не менее 8 января 1720 г. последовал указ царского правительства Г. С. Кропотову, чтобы «сего года конечно оная линия и крепости были достроены»⁴⁷. Выполняя эти указания, корпусу генерал-майора пришлось мобилизовать все силы, чтобы ускорить работы по возведению трех крепостей и одного редута на линии согласно типовой для того времени теории военно-инженерного искусства французского фортификатора С. Вобана⁴⁸. С конца мая 1720 г. строители Царицынской линии приступили к решающему этапу своей работы, который завершился в августе того же года. В сентябре 1720 г. Г. С. Кропотов с гордостью докладывал в Сенат, что «линейная работа и по ней 4 крепости прошедшаго августа 15 дня сего года окончена и прислан априс»⁴⁹. Участвовавшие в работах гарнизонные войска, донские и слободские казаки были распущены по домам, а Г. С. Кропотов со своими драгунами направился в Казанскую губернию, оставив на линии для несения сторожевой службы одного капитана, одного поручика, 80 унтер-офицеров, капралов драгун и нестроевых, 52 гарнизонных солдата и четырех пушкарей⁵⁰.

Скорость создания Царицынской линии, конечно же, отразилась на ее качестве. Осматривавший укрепления линии в июне 1721 г. астраханский губернатор А. П. Волинский констатировал ее плачевное состояние уже через год после окончания строительства: она сделана так «худо», что в ближайшее время может совсем развалиться⁵¹. Но было бы в корне неверным возлагать вину за это на Г. С. Кропотова и его подчиненных. Они, действуя на пределе своих сил, на неблагоприятных для строительных работ землях и в ужасных погодных условиях совершили невероятное. О Царицынской линии начала XVIII в. в одном из источников сообщалось: «По ту сторону и по другую линии совершенная степь и лесу нигде не видно, кроме как в буераках, которые наполнены терновником, боярынями и дикими яблонями»⁵². Как правильно утверждал исследователь В. А. Тихонов, Царицынская линия стала первым масштабным фортификационным сооружением в отечественной истории военно-инженерного дела, которое было построено в голой степи, на удалении от источников снабжения лесом. Поэтому нехватка опыта, природные препятствия, недостаток рабочих рук и короткие сроки отразились на качестве строительных работ⁵³.

После окончания возведения Царицынской линии Г. С. Кропотов командовал войсками, расположенными в Заволжье, междуречье Дона и Волги. В это же время правительство Петра I продолжило создание безопасных условий для дальнейшего освоения Заволжья. Генерал-майор Г. С. Кропотов передал в Военную коллегию и Сенат подготовленный им план действий по достижению этой цели. Одной из его составляющих было предложение создать из разбросанных по отдельным пунктам отрядов крупную оперативную группировку русских войск в лесостепном Заволжье. Ее главной задачей

являлось бы пресечение любых попыток набегов на уже освоенные земледельческие территории. Руководителем этой группы войск численностью более 2000 человек предполагалось назначить бригадира Я. С. Шамордина. В нее должны были войти войска, дислоцированные на территории, защищенной Закамской чертой; рассредоточенные по мелким форпостам вдоль реки Большого Черемшана отряды полковника С. Друманта, а также «гварнизонные» драгуны и донские казаки. В конце 1720 г. Сенат полностью одобрил проект Г. С. Кропотова и для всех войск, находившихся в Закамье, было создано единое командование⁵⁴.

В 1722 г. правительство Петра I организует так называемый Персидский поход, основной целью которого было отворить для российских купцов «в Азию ворота», а также обезопасить их от грабителей. Замыслы царя потребовали мобилизации и сосредоточения всех основных сил на юге Российского государства.

В сложившейся обстановке в апреле 1722 г. Г. С. Кропотовым был получен приказ на сбор у Царицына четырех драгунских полков (Московского, Рязанского, Ростовского и Архангелогородского), находившихся под его командованием. Туда же в распоряжение генерал-майора должны были прибыть донские и малороссийские казаки. После сбора всему корпусу предписывалось выдвинуться «сухим путем» к Теркам для соединения с основными силами русской армии⁵⁵. Г. С. Кропотову удалось организовать марш, но в пути его войскам пришлось столкнуться с определенными трудностями, которые влияли на скорость движения кавалерии. Генерал-майор докладывал, что «лошади драгунские весьма худы от великих степных переходов и от худых кормов, а паче от жаров, от соленой воды»⁵⁶. По этим причинам только 5 июля 1722 г. полкам удалось форсировать Волгу у «Селитренного городка», а после они еще три недели шли до Терека. Сделав в крепости Терки небольшую остановку, войска продолжили движение, но дальнейшая дорога на юг от крепости через степи к речке Койсу стала не менее тяжелым испытанием для солдат и офицеров корпуса, «и в сем пути от безводицы и худых трав кавалерия несказанный труд в пути своем имела»⁵⁷. Только к 15 августа 1722 г. кавалерия Г. С. Кропотова прибыла в лагерь Петра I под Тарками⁵⁸.

Уже через несколько дней, 19 августа, состоялось масштабное сражение с горцами Султан-Махмуда Утамышского, закончившееся победой царских войск и разорением столицы Утамышского султаната – Утамышя. Кавалерия Г. С. Кропотова не только приняла участие в решающем бое, где «сбили противника», но и с помощью артиллерии разорила владения султана. Об одном из ветеранов битвы А. О. Изъединове в «Сборнике биографий кавалергардов» сообщается: «В 1722 г. он с своим полком командирован в Низовый корпус и участвовал в сражении при Тарках в отряде ген.-майора Кропотова „против Салтамамута-бея и раззоряли их деревни в горах“»⁵⁹. За свои успешные действия и умелое руководство подчиненными войсками в боях с горцами Г. С. Кропотов по указу Петра I был награжден 29 сентября 1722 г. золотой медалью «по случаю заключения мира с Швециею в Ништадте» из числа медалей, специально изготовленных в Москве из собранного по губерниям золота, серебра и посуды этих металлов для поощрения отличившихся в Низовом походе⁶⁰.

После окончания военной кампании 1722 г. задействованные в ней войска из южных губерний планировалось вернуть на прежние места дислокации. В августе 1722 г. поступил указ из Сената о размещении на винтер-квартирах в Астраханской губернии драгунских полков Г. С. Кропотова (Московского, Рязанского, Ростовского

и Архангелогородского); собирать провиант и фураж на их содержание было велено «з дворового числа и роздавать взяв у полковых командиров ведомости за руками на наличных людей и лошадей»⁶¹. Обратный путь драгунских полков Г. С. Кропотова из Низового похода был не менее сложным. 8 октября 1722 г. генерал-майор сообщал, что провианта на дорогу получено очень мало и его не хватит до Астрахани. Поэтому уже 16 октября пришлось констатировать, что лошади от тяжелого перехода «стали», а люди, в случае если провиант не будет доставлен, «безвременно помрут»⁶². На зимние квартиры драгуны Г. С. Кропотова, несмотря на просьбу генерал-майора оставить их у Астрахани, по строгому указу царя разместились в знакомых уже для них местах в районе Царицына⁶³.

В период новой кампании 1723 г., чтобы иметь коммуникацию с Аграханским ретраншементом и с крепостью Терки, а также для поддержки порядка в регионе, Петр I принял решение о создании нового опорного пункта – крепости Святого Креста. На возведение этого укрепления были выделены специальные силы во главе с Г. С. Кропотовым, так как царь планировал использовать уже полученный его корпусом опыт строительства Царицынской линии в сложных погодных условиях⁶⁴. Ряд документов подтверждает пребывание генерал-майора Г. С. Кропотова с лета 1723 г. по весну 1726 г. в гарнизоне крепости Святого Креста⁶⁵.

12 июня 1723 г. началось возведение фортификационных сооружений крепости по плану инженер-подполковника А. де Бриньи и под руководством генерал-майора. При этом строителям довелось столкнуться со значительными трудностями, так как пригодный для работ лес находился на удалении до 20 км и его доставка требовала определенных усилий. Поэтому транспортировать лес приходилось по морю из Астрахани, что срывало все сроки установленного царем завершения строительства до зимы⁶⁶. Несмотря на оптимистические сообщения Г. С. Кропотова в январе 1724 г. о том, что постройка крепости должна завершиться к осени, фортификатор А. де Бриньи еще в 1726 г. докладывал о незаконченных работах в крепости Святого Креста⁶⁷.

Служба в Низовом корпусе к 1725 г. стала достаточно беспокойной, так как с января участились случаи открытого нападения горцев на городки казаков-поселенцев, которые приходилось оборонять силами гарнизонных войск. К тому же все это усугубилось весной возникшей в регионе «моровой язвой», которая, по сообщению Г. С. Кропотова, уносила в день по 20–30 человек. В тяжелых условиях гарнизону крепости Святого Креста приходилось отсиживаться в состоянии осады⁶⁸.

В конце июля 1725 г. в распоряжение правительства поступили сведения из Турции о смерти султана и готовящемся совместном походе турецкого, крымского и запорожского войска «в персидскую область и... к Теркам и Дербени». В связи с этим от астраханского губернатора и расположенных в регионе войск, в том числе и от генерал-майора Г. С. Кропотова, требовалось усилить бдительность на направлении предполагаемого удара: «подлинно иметь крепкую осторожность и чинить, как по указам надлежит... и к генерал-майору Кропотову чрез царицынскую линию сообщить»⁶⁹.

Для усиления группировки русских войск в Низовом корпусе в июле 1725 г. на юг были направлены до 30 000 человек. Чтобы прекратить набеги горцев и ослабить напряжение в регионе, прибывший из Баку генерал М. А. Матюшкин организовал с 27 сентября по 13 октября 1725 г. карательный рейд по горским городкам, в котором участвовало 11 500 человек во главе с Вл. П. Шереметевым и Г. С. Кропотовым. При этом

последний собственноручно вел достаточно подробный журнал этого успешного для русской армии похода⁷⁰.

Кроме боевых столкновений с беспокойными горцами Г. С. Кропотову приходилось испытывать недоброе отношение к себе со стороны астраханского губернатора А. П. Вольнского, который считал Гаврилу Семеновича недругом и недоброе отношение, «нарочно ему досаждающим». Неоднократно по взаимным претензиям в спор губернатора и генерал-майора приходилось вступать Петру I, который в требовательности к выполнению поставленных задач был равен и строг к обоим⁷¹.

В 1726 г. Г. С. Кропотов по-прежнему находился в Низовом корпусе, участвовал в стычках с враждебными горцами и контролировал регулярные и иррегулярные войска, расквартированные по берегам Каспийского моря⁷². За свою добросовестную службу на вновь обретенных южных границах Российского государства в феврале он был пожалован недавно учрежденным орденом Св. Александра Невского⁷³. Но весной этого года в личной жизни уже пожилого Г. С. Кропотова произошло трагическое событие, которое надломило силу и волю храброго офицера. В крепости Святого Креста умерла его верная спутница, находившаяся с ним рядом все время с начала Низового похода, — жена Устинья Петровна. Свидетель похорон Я. А. Маркович так описывал это событие: «Погребение генеральши Кропотовой было перед вечером при собрании многом. Пение было по малороссийски. Тело положено в великой церкви, на левой стороне, при западных дверях»⁷⁴.

От этой трагедии Г. С. Кропотов так и не смог оправиться и в управлении войсками настолько «ослаб», что по указу Екатерины I в ноябре 1726 г. был заменен на генерал-майора кавалерии А. Загряжского. Верховный тайный совет также по воле императрицы отклонил предложение направить Г. С. Кропотова для ведения «калмыцких дел» вместо А. П. Вольнского, по причине «не способности» и «болезни»⁷⁵.

В августе 1726 г. Г. С. Кропотов покинул армию и уехал в свое имение⁷⁶. Через полтора года, 24 февраля 1728 г., последовало распоряжение «Ея И. В.» о присвоении ему звания генерал-лейтенанта и отправке в почетную отставку от службы⁷⁷. Последние же сведения о Г. С. Кропотове сообщают, что в 1728 г. Гаврилу Семеновича присутствовал уже в звании генерал-лейтенанта на коронации императора Петра II, а в 1730 г. умер⁷⁸.

В результате данного исследования удалось составить в хронологическом порядке краткий биографический портрет еще одного из недостаточно изученных представителей Петровской эпохи Г. С. Кропотова. Яркий служитель дела Петра Великого, доблестный офицер и умелый командир оставил свой след в истории России. Памятником ему и его солдатам сейчас стоят остатки фортификационных сооружений Царицынской сторожевой линии в Городищенском и Иловлинском районах Волгоградской области. В заключение хотелось бы сказать о Г. С. Кропотове словами исследователя П. Н. Богдановича, писавшего об одном из таких же рядовых солдат Петра I: «Незаметно он откуда-то вышел на сцену нашей истории и, сыграв блестяще свою роль, также незаметно и куда-то исчез, как исчезали и до, и после него скромные русские герои»⁷⁹.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 101. Д. 1. Л. 216.

² Иванюк С. А. Памятники военной истории Петровской эпохи на территории

Волгограда и области // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVIII–XXI вв. : вопросы изучения и музеефикации :

- материалы Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 14–15 ноября 2019 г. Волгоград, 2019. С. 241–242.
- ³ *Комолов Н. А.* Царицынская линия во второй – третьей четверти XVIII века // Вестн. ВГУ. Сер.: История, политология, социология. 2009. № 1. Январь – июнь. С. 11–19; *Лавринова Т. П.* Царицынская линия : история строительства в 1718–1720 и первые годы существования. Волгоград, 2012; *Тихонов В. А.* Военная коллегия России при Петре Великом в первые годы своего существования: 1719–1720 гг. М., 2016. С. 312–347.
- ⁴ Военно-походный журнал (с 3-го июня 1701 года по 12-е сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по Высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения сих городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. С. 72, 77, 79, 83, 91, 95, 99, 100, 110, 115, 172–174, 176–180.
- ⁵ *Иванюк Я. Г., Ростовский А. Н.* Заповедник Поле Полтавской битвы : путеводитель. Харьков, 1986. С. 74.
- ⁶ Областные правители России, 1719–1739 гг. / сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 26.
- ⁷ *Иванюк С. А.* К истории событий на Украине весной 1709 года // Славяноведение. 2019. № 4. С. 21.
- ⁸ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 16. Ч. 2. Л. 330–343 об.; *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730 : обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 190.
- ⁹ ПиБ. М. ; Л., 1946. Т. 7, вып. 2. С. 728, 819–820.
- ¹⁰ Там же. С. 835–836, 864.
- ¹¹ Там же. С. 676–678.
- ¹² Там же. С. 879.
- ¹³ Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археологического института АН СССР. М., 1935. Т. 12. С. 302. № 115.
- ¹⁴ ПиБ. М. ; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 128. № 3127.
- ¹⁵ Булавинское восстание. С. 294.
- ¹⁶ Там же. С. 313–314. № 124.
- ¹⁷ ПиБ. М., 1951. Т. 8, вып. 2. С. 464.
- ¹⁸ Труды Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. 1. С. 130. № 160.
- ¹⁹ *Рабинович М. А.* Полки петровской армии, 1698–1725 : краткий справочник. М., 1977. С. 100.
- ²⁰ *Потоцкий П. П.* О войсковых частях, принимавших участие в «Генеральной баталии» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года // Военный сборник. 1909. № 4. С. 243.
- ²¹ Русско-шведская война. Записки кн. Б. И. Куракина, 1700–1710 гг. // Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый им под редакцией М. И. Семевского. СПб., 1890. Кн. 1. С. 323.
- ²² Следует отметить, что в томах 9, 10 и 11 сборника «Письма и бумаги императора Петра Великого» упоминаемый в документах Г. С. Кропотков ошибочно именуется Гаврилой Ивановичем.
- ²³ ПиБ. Т. 9, вып. 1. С. 348–351. № 3386.
- ²⁴ ПиБ. М., 1952. Т. 9, вып. 2. С. 1186, 1189–1192.
- ²⁵ Там же. С. 1190.
- ²⁶ ПиБ. Т. 9, вып. 2. С. 1289–1291; *Масан А. Н.* «До местечка Чернявец сего же сентября в 23 день» (о русско-шведско-казацкой стычке в Черновцах в 1709 г. и ее международных последствиях) // Русин. 2011. № 1 (23). С. 16–29.
- ²⁷ ПиБ. Т. 9, вып. 2. С. 1193.
- ²⁸ *Юль Ю.* Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709–1711) / извлечк из Копенгагенского гос. арх. и пер. с дат. Ю. Н. Щербачев. М., 1900. С. 86.
- ²⁹ ПиБ. М., 1956. Т. 10. С. 44. № 3601.
- ³⁰ Война с Турциею 1711 года. (Прутская операция) : материалы извлеченные из архивов ... СПб., 1898. (Сб. воен.-ист. материалов ; вып. 12). С. 304. № 2; ПиБ. Т. 10. С. 505.
- ³¹ ПиБ. Т. 10. С. 264. № 3911.
- ³² Война с Турциею 1711 года. С. 215; ПиБ. Т. 10. С. 506, 667.
- ³³ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова : новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб., 2011. Ч. 1. С. 124–125. № 58.
- ³⁴ ПиБ. М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 468.
- ³⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Д. 32. Л. 63–66; Война с Турциею 1711 года. С. 112. № 103; ПиБ. М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 34. № 4621.
- ³⁶ ПиБ. Т. 11, вып. 1. С. 538.
- ³⁷ *Артамонов В. А.* Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015. С. 41, 66–68.

- ³⁸ ПиБ. Т. 11, вып. 2. С. 383.
- ³⁹ *Шереметев Б. П.* Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника, мальтийского, с. апостола Андрея, Белого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. М., 1779. Ч. 3. С. 367.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Кн. 645. Д. 88. Л. 591–595 об.; *Лавринова Т. И.* Царицынская линия. С. 24.
- ⁴¹ *Иванюк С. А.* Памятники военной истории Петровской эпохи на территории Волгограда и области. С. 241.
- ⁴² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1718 г. Д. 11. Л. 1; ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5. С. 158. № 3116; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишним. Новочеркасск, 1891. Т. 1. С. 280. № 178.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 96. Д. 84. Л. 994.
- ⁴⁴ *Лавринова Т. И.* Царицынская линия. С. 33.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 101. Д. 1. Л. 1–1 об.; *Лавринова Т. И.* Царицынская линия. С. 35–36.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 101. Д. 1. Л. 63; *Тихонов В. А.* Военная коллегия России при Петре Великом в первые годы своего существования: 1719–1720 гг. М., 2016. С. 314.
- ⁴⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 6. С. 2. № 3483.
- ⁴⁸ ОР БАН. Ф. 266. Т. 3. Л. 44.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 101. Д. 1. Л. 216.
- ⁵⁰ Там же. Л. 216–217.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. II. Кн. 54. Л. 626.
- ⁵² *Рябов С. И., Самойлов Г. П., Сутрун В. И.* Петр I в Царицыне и на Среднем Дону. Волгоград, 1994. С. 106–107.
- ⁵³ *Тихонов В. А.* Военная коллегия России при Петре Великом в первые годы своего существования. С. 317.
- ⁵⁴ *Дубман Э. А.* Южное Средневожье в планах и деятельности Петра I // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 196–197.
- ⁵⁵ *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 13.
- ⁵⁶ *Курукин И. В.* Артемий Вольнский. М., 2011. С. 79.
- ⁵⁷ *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 1. С. 21.
- ⁵⁸ Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 494. № ССCLXXXV; *Цвиркун В.* Дмитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010. С. 331.
- ⁵⁹ Сборник биографий кавалергардов, 1724–1762. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка : в 4 т. СПб., 1901. Т. 1. С. 181.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 1451. Кн. ХСVII. Л. 16; ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 23. Л. 44–44 об.; *Анисимов Е. В.* Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.). URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/247142140> (дата обращения: 09.08.2020).
- ⁶¹ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 23. Л. 37.
- ⁶² *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 78–79.
- ⁶³ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1838. Т. 9. С. 418; *Рябов С. И., Самойлов Г. П., Сутрун В. И.* Петр I в Царицыне и на Среднем Дону. С. 129.
- ⁶⁴ *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. С. 26.
- ⁶⁵ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишним. Новочеркасск, 1891. Т. 1. С. 317. № 210, С. 318–319. № 211, С. 320. № 212; 1894. Т. 2, ч. 1. С. 1–2. № 1, С. 7. № 4.
- ⁶⁶ *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. С. 94.
- ⁶⁷ Там же. С. 117–118.
- ⁶⁸ Там же. С. 139–140.
- ⁶⁹ *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1908. Т. 2. С. 1118–1120, 1122–1125.
- ⁷⁰ *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. С. 143–153.
- ⁷¹ *Он же.* Артемий Вольнский. С. 93, 112; *Анисимов Е. В.* Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.). URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246182673> (дата обращения: 09.08.2020).
- ⁷² *Хачатрян А. Н.* Армянское войско в XVIII веке : из истории армяно-русского военного содружества : (исследование и документы). Ереван, 1968. С. 109. № 11.
- ⁷³ *Маркович Я. А.* Дневные записки Малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Ч. 1. С. 147.

⁷⁴ Там же. С. 152.

⁷⁵ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 гг. СПб., 1887. Т. 2. (Сб. РИО ; т. 56). С. 353. № 175.

⁷⁶ В 1723 г. Г. С. Кропотов подавал челобитную о пожаловании ему в собственность деревень, которая была удовлетворена 19 февраля того же года, и по указу царя он получил «104 крестьянских дворов из отписных деревень, в Пензенском и Симбирском уездах»

(РГАВМФ. Ф. 233. Д. 222. Л. 285; РГАДА. Ф. 1451. Кн. 24. Л. 53).

⁷⁷ Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. Ч. 2. СПб., 1895. С. 636.

⁷⁸ Алфавитный указатель имен русских деятелей, для Русского биографического словаря. СПб., 1887. Ч. 1 : А – Л. (Сб. РИО ; т. 60). С. 450.

⁷⁹ *Богданович П. Н.* Полтавская виктория : ко дню ее 250-летия. Буэнос-Айрес, 1959. С. 41.